

Издательский дом «КомпасГид»

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ



ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Евгений Рудашевский
Тайна пропавшей экспедиции
Серия «Архив «Изиды»», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055252
Солонго. Тайна пропавшей экспедиции/ Евгений Рудашевский:
КомпасГид; Москва; 2017
ISBN 978-5-00083-836-5

Аннотация

Новая книга Евгения Рудашевского начинается как задачка из квест-комнаты, а затем успевает стать романом-погоней, детективом, историей о первопроходцах и предателях, притчей о любопытстве как великой движущей силе. Как герои не представляют, что заберутся настолько далеко, так и читатели – что сюжет заведёт их в такие дали.

Десять человек отправятся в долгий путь, каждый со своей целью: Сергей Николаевич – за увлекательной статьёй, Марина Викторовна – за пропавшим отцом, их 14-летний сын Артём – за первым настоящим приключением, которое дедушка точно одобрил бы. Но за чем идут с ними, чего хотят профессор Тюрин и братья Нагибины, их суровый отец Фёдор Кузьмич, а тем более молчаливый великан Джамбул с дочерью Солонго? Душа человека порою таит не меньше загадок, чем далёкие горы, –

это Артём понимает сразу. Остальное ему предстоит осмысливать ещё долго.

Виктор Каюмович Корчагин пропадал и раньше: уйдёт в очередную экспедицию к местам, куда последний раз кто-либо забирался столетие назад, – родные ждут его неделями-месяцами. Теперь исчез на год с лишним; чересчур даже по меркам старика Корчагина. Ещё и домик его полон странных подсказок: по такому-то следу можно меня найти, да не только меня, но и кое-что очень ценное... «Золото!» – обрадуются одни. «Нечто поважнее золота», – подумают другие.

Евгений Рудашевский (родился в 1987 году) изъездил весь мир, но неизменной сохранил любовь к суровой природе Сибири, Алтая и Саян. Об этих краях он пишет по-настоящему завораживающе, а насыщенный событиями сюжет не даёт читателю расслабиться: сюрпризы и резкие повороты заставляют листать страницу за страницей так быстро, как только можно. «Солонго. Тайна пропавшей экспедиции» – первый приключенческий роман Евгения Рудашевского, известного глубокими реалистичными повестями для подростков о взрослении и взаимоотношениях человека и природы («Здравствуй, брат мой Бзоу!», «Куда уходит кумуткан», «Ворон»).

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвёртая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Рудашевский
Солонго. Тайна
пропавшей экспедиции

In angello cum libello

Часть первая

Восточный Саян

– Далеко ли твой дом, евражка?

– Далеко, лиса, – под самым кончиком хвоста.



Глава первая

Артём ловил своё отражение в окне автобуса. Он знал, что жив – от пяток до макушки. Знал, что неделю назад ему исполнилось четырнадцать лет, что вместо обещанного лагеря его отправили в глушь Тункинской долины.

– Скукотища... – вздохнул Артём.

В окно он видел зеленеющие овраги, покосившиеся избы. Обдуваемые ветром, вспыхивали вѣтлы – их листочки, повернувшись исподней стороной, пускали по ветвям холодное пламя серебра. Юноша с унынием поглядывал на придорожные кафе, на сидевших у дороги грибников и ягодников. Закрыв глаза, он мог увидеть значительно больше – весь земной мир...

Прежде взгляд Артёма устремлялся даже к просторам Луны и Марса. Юноша думал, что при желании и определённом везении станет космонавтом, попадёт в космическую экспедицию и улетит путешествовать на галактическом корабле.

– Почему бы и нет! – улыбался он.

Потом врачи сказали Артёму, что у него врождённая аритмия сердца. В этом не было ничего страшного, его даже не освободили от физкультуры. Но, вернувшись из поликлиники, он уже не видел ни Луну, ни Марс. Они погасли, умерли в его мире и больше ему не принадлежали.

Артём не расстроился. В его распоряжении оставалась вся

Земля – от снежной вершины Эвереста до тёмных глубин Марианской впадины. Аритмия не мешает идти с ледорубом или погружаться в батискафе. Этого было вполне достаточно. В конце концов, космонавтом быть не так уж интересно. Что за радость – восемь месяцев лететь на крохотном корабле, а потом бродить по безжизненным марсианским пустыням?

– А ты знала, что на Марсе шестьсот восемьдесят семь дней в году? – спрашивал у мамы Артём.

– Нет.

– А то, что там из-за слабой гравитации люди не смогут рожать детей?

– Нет.

– Вот... Значит, делать там нечего.

Мама в ответ только смеялась.

Мир родителей был не таким большим и ярким. С каждым годом на их карте становилось всё больше серых пятен – мест, куда они просто не хотели отправляться, – и чёрных пятен – мест, которые они не смогли бы посетить при всём желании.

Для папы давно умерли ледяные просторы Антарктики, пески Сахары и джунгли Амазонки. Об Эвересте, Аннапурне и других вершинах он даже не вспоминал. Сергей Николаевич Перевалов курил уже десять лет – слишком часто и крепко, чтобы теперь карабкаться по ледникам или тяжёлым мачете прорубать заросли лиан.

Для Марины Викторовны Переваловой, мамы Артёма, яркими оставались лишь Иркутск, где она жила, и Таиланд, где она с подругами отдыхала каждый январь. Другие места нашей планеты её мало интересовали.

– Скуотища, – поморщившись, повторил Артём.

К четырнадцати годам он с удивлением заметил, что и в его мире появились серые участки: затянутые войной Сирия, Ирак, бандитские Уганда и Сомали...

– Хотя... почему бы и не съездить туда. Чем опаснее, тем интереснее.

Отражение Артёма в окне то пропадало, то возвращалось. На подъёмах завывал старый двигатель автобуса. У дороги паслись коровы. Мальчик-пастух, прикрывая лицо от колючей пыли, равнодушно поглядывал на отару овец, ждал минуты, чтобы перевести их через дорогу. Из-за пригорка вытянулась почерневшая водонапорная башня; за ней началось пшеничное поле – ветер чертил его золотистыми тропинками, порывами выстилал мягкие лужайки.

Вздыхнув, Артём вспомнил дедушку. Если тот и в самом деле погиб, то никаких сомнений: в последние часы самым печальным для него было наблюдать за смертью мира вокруг. Его карту затягивало безграничным чёрным пятном. Оно неумолимо съедало далёкие страны, соседние города. Замерло, когда вокруг дедушки остался лишь тесный круг жизни – дом или даже комната. Он ещё мог бы в последнем порыве дойти до двери, но повернуть ручку у него бы не хва-

тило сил. Что может быть страшнее для человека, с юности ходившего в походы, искавшего приключения в самых отдалённых уголках планеты! Артём не верил в смерть дедушки. Никто не верил. Но всё изменилось после письма, которое получила Марина Викторовна.

– Кажется, старик Корчагин в самом деле покинул нас, – прошептал Сергей Николаевич.

Дедушка пропал прошлой весной. Поначалу это никого не удивило. Он и раньше пропадал. Виктор Каюмович был геологом. Впрочем, его исследования давно не ограничивались одной лишь геологией. Придумав себе новую теорию, он отправлялся в дальние путешествия. Искал затерянные бурятские улусы, древние вулканы, говорил, что нашёл следы богатых месторождений нефрита или меди. Три месяца ходил по уссурийской тайге, надеясь встретить таинственных отшельников, о существовании которых прочитал в каких-то архивах. Маме никогда не нравились эти приключения. Обещания дедушки однажды взять с собой Артёма пугали её. Сам Артём в последние годы только об этом и думал, надеясь хоть отчасти увидеть чудеса, о которых рассказывал дедушка. А теперь Виктор Каюмович погиб. В каком-нибудь полуразрушенном зимовье, от болезни. Или в лапах медведя, в зубах амурского тигра. Деталей его смерти никто уже и не надеялся узнать, но Артём надеялся, что тот погиб именно в лапах дикого зверя:

– Уж лучше так, чем от какой-нибудь глупой болячки.

На прошлой неделе институтский друг дедушки передал Марине Викторовне письмо, написанное и запечатанное больше года назад, перед исчезновением. Сказал, что сам удивился такому поручению:

– Мы с ним давно не общались, а тут – на тебе, письмо. Внутри – ничего такого. Только свёрток и записка.

«Передай моей дочери ровно через год, если я раньше сам не заберу». Вот и вся записка. Больше в письме не было ни строчки.

В свёртке лежали два ключа. Что с ними делать, Марина Викторовна не знала. Послание казалось бессмысленным.

– Под старость совсем из ума выжил, – качнул головой дедушкин друг.

Он ушёл, а Марина Викторовна ещё долго стояла у порога. Невидящим взглядом смотрела на конверт в руках. Не знала, что делать. Слезы тонкими струйками текли из её открытых глаз. Она злилась на отца за его чудаковатость. За то, что он всегда где-то пропадал. Забывал про день её рождения. Не пришёл на её свадьбу. Даже на похороны своей жены не приехал – в это время был на Дальнем Востоке. Ещё и Артёма заразил страстью к приключениям. Зачем-то обещал свозить того на Амазонку, показать ему трёхметровых плотоядных рыб арапаима. Неутомимая одержимость. Виктор Каюмович говорил, что хочет умереть в пути. Он добился своего.

Марина Викторовна плакала беззвучно. Она даже не шевелилась. Из её затуманенных глаз просто вытекали слёзы.

Потом и слёз не осталось, а она всё стояла с конвертом в руках, будто лишь сейчас окончательно признала, что Виктора Каюмовича больше нет. Ей бы только обнять отца на прощание, прикоснуться щекой к его щеке, опять услышать сладкий аромат его одеколona.

Вечером с работы пришёл Сергей Николаевич. Что делать с ключами, он не придумал, но обратил внимание, что на конверте указан обратный адрес:

– Наверное, ответ можно найти там.

– Серёж, я не могу. Не хочу никуда ехать. Я устала от всех этих загадок, тайн. Вечно он что-то прятал от меня, от мамы. А теперь, когда его нет...

Марина Викторовна опять не сдержалась. Заплакала, не таясь от мужа и Артёма.

– Ну хочешь, я съезжу, посмотрю, что там, – предложил Сергей Николаевич.

– Нет.

Перед сном Марина Викторовна ещё раз сказала, что никуда не поедет, а наутро взяла отгул на работе и уехала из Иркутска на первом же автобусе – в указанный на конверте посёлок.

Адрес отправителя привёл её на окраину села Кырен Тункинского района, на берег реки Иркут, стремительным потоком напоминавшей, какими бывают реки – вольные, ещё не оскоплённые ни плотиной, ни запрудой.

Пройдя по тропинке вдоль крапивного поля, обогнув за-

росший старым репейником двор, Марина Викторовна оказалась перед двухэтажным срубом. Один из ключей подошёл к двери, и Марина Викторовна зашла внутрь.

В последующие дни она узнала, что дом принадлежал её отцу. Он построил его пять лет назад, не сообщив об этом никому из родственников. Часто бывал здесь, готовясь к очередной экспедиции, но держал это место в тайне. На мгновение горечь от разлуки с отцом опять сменилась глубокой обидой – неприятно было узнать, что Виктор Каюмович до такой степени не доверял собственной дочери.

Применения второму ключу пока что не нашлось.

Марина Викторовна с грустью ходила по комнатам, примечая знакомые вещи, фотографии. Она уже не сомневалась, что письмо было подготовлено вместо завещания. Отец знал, что уходит в опасное путешествие, и побоялся, что дом пропадёт без наследников.

Рассказав обо всём Сергею Николаевичу по телефону, Марина Викторовна вышла во двор, где столкнулась с Бэлигмой – старой буряткой, которую дед попросил в течение года следить за домом:

– Цветы поливать, пыль, если где, протереть. Мы с ним хорошими соседями были, чего бы и не помочь, – улыбалась Бэлигма. – Пропал, значит? А вы, значит, за наследством приехали?

Марина Викторовна не ответила. Она уже ничему не удивлялась. Казалось невероятным, чтобы Виктор Каюмович не

только уставлял дом цветами, но ещё и просил какую-то женщину за ними ухаживать. Впрочем, цветов в доме нашлось немного.

– Фиалки? – удивилась Марина Викторовна. – Могли бы просто забрать их и поливать у себя...

– Могла бы, – улыбнувшись, проговорила Бэлигма.

Второй ключ бурятка рассматривала долго и с явным интересом, но придумать ему применения не смогла. Обошли весь дом, заглянули в оба чулана, но замков не обнаружили.

– Может, он вообще не от дома, – вздохнула Марина Викторовна.

– Как знать, – качнула головой Бэлигма и, распрощавшись, заторопилась на улицу. Обещала завтра прийти вновь: – Я вам молочка свежего принесу, раз такое дело. Мы с вашим отцом хорошо общались, пока он не уехал. А теперь вот. Ну да вы не расстраивайтесь, узнаем про ваш ключ.

Марина Викторовна от таких слов чуть не расплакалась – будто её единственной заботой была тайна ключа, а не молчаливое расставание с отцом.

– Хорошо общались, – прошептала она, глядя вслед Бэлигме. – Чудеса какие-то.

Виктор Каюмович никогда ни с кем хорошо не общался. У него даже друзей настоящих не было.

Марина Викторовна ещё раз обошла дом. Удивляло отсутствие рабочего кабинета: где же книги, записи отца? Если он оставался на одном месте больше года, то неизменно

обрастал ворохом черновиков, записок. Удивляло и то, что по углам лежал махровый слой пыли – если Бэлигма и убиралась тут, то редко и небрежно.

Вечером, глядя на догоравшую облачную наволочь, Марина Викторовна занудилась в предчувствии долгой и грустной работы. Нужно было оформлять наследство: собирать справки, выписки, ждать в очередях. Не желая оставаться наедине со своей печалью, она придумала вызвонить из Иркутска Артёма. Рассудила, что на берегу Иркута ему будет не хуже, чем в лагере на Малом море. Мужа с работы не отпускали, а просить кого-то из друзей не хотелось.

Так юноша оказался в автобусе «Иркутск – Кырен». Поначалу он даже обрадовался, узнав, что ему предстоит две недели жить в дедушкином доме. Представлял, как будет просматривать дедушкины карты и дневники, листать закладки в его книгах, но со слов отца быстро понял, что ничего интересного в доме не осталось – только пыль и старая мебель.

Томление с каждым часом усиливалось. Его не могли развеять ни предгорья Саян, ни лысые макушки гольцов, ни видневшиеся за окном окраины горной тайги. Артём понимал, что мама не отпустит его в лес. И вместо лагеря с вечерними кострами, конными походами на Ольхон и весёлой рыбалкой его ждёт уныние сельской окраины.

– Ещё заставит огород копать, – хмурился Артём. – Помоги тут, вымой посуду, убери в кладовке. Это нам знакомо...

Мама встретила Артёма на автобусной остановке. Встреча вышла безрадостной.

– Как доехал?

– Нормально.

– Не укачало?

– Мам, я же говорил, меня не укачивает.

– Тогда в Аршане укачало.

– Мне было пять лет! Сколько раз говорил...

Марина Викторовна понимала, что нужно как-то ободрить сына, что разговор об укачивании – не лучший способ сделать это, но отчего-то не могла остановиться.

– Я же просила Серёжу посадить тебя на первое сидение. Там не так болтает.

– Мам!

Артём понуро плёлся за Мариной Викторовной, подпирывая камни, с опаской поглядывая на сельских собак. Говорил себе, что обречён две недели торчать взаперти вместо того, чтобы с другими ребятами пилить сушины, складывать костровища, лазать по каменистым останцам.

«Две недели! Это четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Из них я часов сто буду спать. Остаётся двести тридцать шесть. Часов тридцать буду есть. Остаётся двести шесть. Двести часов сплошной тоски! Хорошо бы заболеть чем-нибудь. Простыть. Меня бы тогда сразу домой отправили. Двести часов – это двенадцать тысяч минут. А секунд...»

Артёму никак не удавалось посчитать, сколько же секунд

продлится его ссылка. Тем временем показался дедушкин дом.

Мама открыла калитку. Прошла через двор. Поднялась на веранду и замерла. Отчего-то медлила, не заходила внутрь. Артём поднялся вслед за ней.

– Чего ждём? – спросил он, но осёкся. Увидел, что дверь приотворена. Кто-то выломал замок. Вырвал вместе с куском дерева. Теперь на его месте зияла рваная брешь.

Мама аккуратно потянула дверь на себя. Вошла в прихожую.

В доме будто побывал смерч. Мебель была опрокинута, зеркала – разбиты, единственный диван – выпотрошен до самых пружин. Даже кухонная столешница была сброшена на пол.

Дедушкины вещи лежали в общей грудке осколков и раскуроченных полок. Кто-то активно поработал здесь топором. Только что. За несколько минут до возвращения Марины Викторовны.

Артём с удивлением, позабыв всякую тоску, осматривал погром в дедушкином доме. Вместе с мамой поднялся по лестнице – увидел, что смерч пронёсся и на втором этаже.

Фанерная ширма под ванной – выломана. Кровать – перевернута. Матрас – разрезан. Здесь явно что-то искали. Но что? И почему именно сейчас? Дом стоял без жильцов больше года. Почему грабители не ворвались сюда раньше? И если это были грабители, почему они не взяли ни телевизор,

ни микроволновку? Даже иконка в серебряном киоте висела нетронутой.

Этого Марина Викторовна не знала.

Глава вторая

Артём любил дедушку. У Виктора Каюмовича всегда было о чём рассказать. Посмеиваясь тихим, заговорщицким смехом, он вспоминал о приключениях юности. О том, как едва не погиб на разливе Амура, как видел извержение Ключевской сопки – километровый столб лавы ещё долго снился дедушке, до того мощной, насыщенной была его красота. Показывал шрамы на спине, оставшиеся после встречи с медведем на диком берегу Витима. Артём, затаившись, смотрел и слушал. Даже трогал дедушкины шрамы. Хотел однажды получить такие же. Сказал об этом маме. Испугавшись, она два года назад не пустила его в поход с дедушкой. Виктор Каюмович уверял её, что всё ограничится двухдневной прогулкой по берегу Байкала:

– Чего ты испугалась-то? Мальчика пора приучать к походной жизни.

– Мам! – просил Артём.

Всё было тщетно. Марина Викторовна и думать не хотела о том, чтобы куда-то отправить сына с дедушкой. Артём не успокаивался, и мама наконец записала его в лагерь. Сказала, что ему надо набраться опыта, прежде чем идти в настоящий поход.

Марина Викторовна надеялась, что после первой же поездки в лагерь сын забудет о тайге, но ошиблась. Его мечты о

приключениях только усилились. Он теперь ещё больше хотел путешествовать – как дедушка, приезжать домой после дальней экспедиции и улыбаться тому, с каким интересом все слушают его рассказы.

Когда Виктора Каюмовича признали без вести пропавшим, Артём решил, что закончит свою жизнь так же – таинственно исчезнет, сгинет в недоступной простому путнику чащобе. Об этом он, конечно, не стал говорить ни папе, ни маме. Они бы не поняли. У них была скучная жизнь. Их пугал даже намёк на возможные приключения. На карте их жизни было слишком много серых пятен.

Папа работал корреспондентом в «Восточно-Сибирском экспresse». Часто уезжал в Улан-Удэ, Читу и в города поменьше, но приключениями в этих поездках не пахло. Папа сам говорил, что в последние годы пишет только скучные отчёты о ещё более скучных мероприятиях, а настоящего события ему не попадалось уже много лет.

Мама работала в лаборатории Института биологии при Иркутском государственном университете и пятый год писала диссертацию, от одного названия которой веяло неодолимой тоской.

– Вам не понять, – шептал Артём, рассматривая топографические карты байкальского побережья.

Он знал, что однажды не удержится и тайком ото всех убежит в одиночный поход. Теперь, когда не стало дедушки, в этом деле он мог положиться лишь на себя.

Виктор Каюмович говорил, что все проблемы – от неясности:

– Сформулируй свои мысли, и проблема уйдёт. Сам удивишься! Главное, формулируй непредвзято, как ты на самом деле чувствуешь и думаешь. Ведь и с другими людьми все беды – от недостатка общения. Если поругались, сядьте рядышком и честно обсудите, что вас волнует. И не будет никаких ссор.

Дедушка сполна доказывал свои слова. Только не тем, что в разговоре решал семейные конфликты, а тем, что действовал как раз наоборот – замыкался в себе и поэтому плодил конфликты в неисчислимом количестве. Часто ругался с женой. После её смерти ссорился с дочерью даже во время короткой и долгожданной встречи. Всякий раз она говорила Виктору Каюмовичу, что он не бережёт себя, что в старости мог бы уделять ей больше времени, чем в экспедиционной молодости. Дедушка отмахивался, не хотел ничего объяснять.

«Все беды – от недостатка общения».

– В этом ты был прав, – Марина Викторовна подняла с пола чёрно-белую фотографию отца. Вынула из рамки разбитое стекло и поставила её на подоконник.

Только что приходил участковый. Он внимательно осмотрел дом. Зашёл в каждую комнату. Подробно расспросил о том, чем дедушка занимался при жизни. Записал мамини показания беглым неразборчивым почерком, попросил

её расписаться и, прощаясь, сказал:

– Вы бы пока уехали к себе. Чего вам тут на осколках жить? А я вам позвоню, когда что-то станет ясно.

– Так кто это был?

– Воры. У нас тут бывает, заезжают из других сёл.

– Почему тогда ничего не украли?

– Может, и украли. Вы ж сами говорите, что не помните точно, что тут и где стояло. Может, знакомые вашего дедушки. Знали, что у него деньги лежат или что-то ещё.

– Почему они именно сейчас появились? – не отступала Марина Викторовна.

– Да вы не беспокойтесь. Я же говорю, езжайте в Иркутск, а мы тут сами разберёмся.

Марина Викторовна, вздохнув, поблагодарила участкового за совет. Когда он ушёл, позвонила мужу, рассказала о случившемся.

– Да чего тут думать! – воскликнул Сергей Николаевич. – Простые воры. Забрались, ничего не нашли и со злости всё поломали.

– Может быть.

– Давай я в субботу приеду, помогу там, если что. А про участкового забудь. Он скорее золото Колчака найдёт, чем твоих воров.

Вечером заглянула Бэлигма. Пришлось слушать её причитания о поломанной мебели и побитых зеркалах. Больше всего Бэлигму, кажется, расстроили опрокинутые и помятые

цветы – те самые, за которыми она ухаживала последний год. Соседка настойчиво предлагала свою помощь, говорила, что быстренько тут всё приберёт, что ей больно смотреть на то, что сделалось с домом Виктора Каюмовича. Марине Викторовне едва удалось заверить Бэлигму, что они справятся сами, и выпроводить её на улицу.

– Какая настойчивая! Ни за что не поверю, что отец вообще пускал её на порог!

Думать об этом было некогда. Мама начала уборку. Артём помогал ей – перетаскивал в прихожую обломки мебели. Решено было сжечь всё то, что не удастся починить.

Неожиданное приключение встряхнуло юношу. Теперь поездка в Кырен не казалась такой скучной. Он неспешно ходил по дому, с интересом осматривал комнаты. Хотел понять, что же тут искали воры. Артём был уверен, что в доме скрыта какая-то тайна.

«С дедушкой всегда так. Сплошные загадки», – подумал он, осматривая фотографии на первом этаже. В этом Артём был прав. Даже его родители мало что знали об исследованиях Виктора Каюмовича, особенно в последние годы. Он был уже не так молод. Прошлой осенью ему бы исполнился шестьдесят один год. И всё же он не прекращал своих экспедиций. Ходил по тайге, поднимался в горы, спускался в пещеры.

– Что же вы тут искали?.. – Артём держал в руках разломанный стул, но не торопился выносить его в прихожую, за-

держался у развешанных по стене фотографий.

На фотографиях – комнаты дедушкиного дома, какими они были до погрома. Вполне уютные. Ничего особенного. Старая, но опрятная мебель. При этом все комнаты – какие-то пустые. В них не хватало деталей, которые неизменно появляются в жилом доме. Ни вазочек, ни фигурок, ни разбросанных на столешнице книг или ручек. Впрочем, дедушка мог сделать эти фотографии сразу после того, как сюда переехал. Но зачем вообще снимать комнаты, в которых ты живёшь, вставлять их в рамки и тут же, на стене, развешивать?

– Ерунда какая-то, – промолвил Артём.

– Чего? – отозвалась из гостиной мама.

– Стул выношу!

– Давай. Потом сюда иди. Нужно столешницу поднять.

– Хорошо, – шёпотом ответил Артём.

Юноша решил внимательно изучить все фотографии. Подумал, что, быть может, на них осталось запечатлённым то, что искали или нашли воры. «Вряд ли, но попробовать стоит».

«Вот комод с большими часами. Часы я видел. Они лежат разбитые на втором этаже».

«Вот икона. Зачем она вообще бабушке? Икона висит на месте. Её даже не тронули. А могли бы украсть. Киот серебряный. Значит, искали что-то поинтереснее».

«Вот... даже не знаю, что это. Что-то из бабушкиных ин-

струментов. Что-нибудь для геологии. У него таких много было. Инструмента я не видел, но вряд ли воры им заинтересовались».

«Вот лестница на второй этаж».

«Это спальня. На кровати нет ни белья, ни матраса. Значит, я был прав, дедушка фотографировал до того, как тут обжился. Зачем?»

«Вот книжный шкаф. Чего же мама жаловалась, что в доме нет книг? У бабушки всегда было много... А это? Что это?» – Артём положил на пол обломки стула и подошёл поближе к фотографии. Присмотрелся.

– Мам!

Марина Викторовна не ответила.

– Мам!

Артём разволновался. Почувствовал, как сердце наливается тягучим холодом.

– Чего? – подошла встревоженная Марина Викторовна. Её напугал голос сына.

– Смотри!

– Это ты так стул несёшь? – Мама показала на обломки в ногах Артёма.

– Смотри!

На фотографии Марина Викторовна увидела небольшую комнату. Книжные шкафы, рабочий стол, старую кушетку, простой деревянный стул. И чёрную коробку на тумбе.

– Что это? – спросила Марина Викторовна.

– Сейф! – улыбаясь, ответил Артём.

Он был уверен, что второй ключ из конверта предназначен именно для этой чёрной коробки. Впрочем, никакого сейфа в доме не было. Осматривая результаты погрома, они несколько раз обошли оба этажа и ничего не нашли.

– Значит, сейф-то как раз и украли, – вздохнула мама. – Надо будет позвонить участковому.

– Постой, – Артём мотнул головой. – Книжный шкаф и стол они тоже украли?

– Даже не знаю... Может...

– Давай найдём эту комнату, потом будем думать.

Марина Викторовна помедлила, прежде чем ответить. Не хотела отвлекаться от уборки, но потом решила, что перерыв пойдёт ей на пользу. К тому же эта история приободрила Артёма. Он, как и дедушка, из любой мелочи мог устроить себе целое приключение.

– Все мы играем в игры, – говорил дочери Виктор Каюмович. – Человеку нужно чем-то заполнять время. Такими нас сделала природа. Эволюция. Мы утолили голод и жажду, построили дома, защитили свои семьи. Любое животное давно бы остановилось в развитии, но мы продолжаем идти вперёд, потому что помимо голода и болезней природа наградила нас философским беспокойством – желанием понять себя. Неосуществимым желанием, которое постоянно зудит внутри и не даёт нам скучать. Чтобы хоть как-то отвлечься от него, мы вынуждены играть в игры. Разве не так? Кто-то

заполняет время ссорами, другие – любовью. Каждый выбирает по себе. А что выберет твой сын?

«В самом деле, что ты выберешь?» – Марина Викторовна взглянула на Артёма; тот быстрым шагом шёл по коридору, торопился разгадать только что придуманную загадку.

На втором этаже у всех трёх комнат были скошенные потолки – из-за крыши. В комнате на фотографии потолки и стены были прямые.

– Тут делать нечего, – Артём вернулся к лестнице. Заметил, что по коридору второго этажа развешаны картины. Рекламные проспекты курортов Аршана, Хойто-Гола и Ниловой Пустыни перемежались карандашными зарисовками природы. – Разве дедушка рисовал?

– Да, но не так хорошо, – мама пожала плечами. – Это не его рисунки. Да и старые они какие-то.

Артём решил потом изучить их подробнее, а пока что поторопился на первый этаж. Там обошёл обе комнаты, осмотрел гостиную. Несмотря на общий погром, было очевидно, что комнаты с фотографии тут тоже нет.

– Ерунда какая-то, – нахмурился юноша.

Поиски увлекли Марину Викторовну. Про уборку она и не вспоминала. Подумала, что в сейфе наверняка спрятаны письма, дневники Виктора Каюмовича. Быть может, там лежат документы, которые могли хоть отчасти объяснить его исчезновение.

– Если воры украли сейф, то только вместе с комнатой, –

промолвил Артём, во второй раз обойдя дом. – Но ведь так не бывает?

– Не бывает, – согласилась мама. – Подождём Серёжу. Он разберётся.

Артём качнул головой. Знал, что должен разгадать эту загадку сам, до приезда папы. Иначе придётся выслушивать его насмешки. «Ещё не хватало».

Артём вернулся к фотографиям. Снял их со стены и разложил на полу. Пересчитал. Шесть комнат, не считая гостиную, кухню и лестницу.

– Странно, – заметила мама. – В доме – пять комнат. Значит, эта фотография не отсюда. Вот и вся разгадка.

– Нет! Значит, эта комната – скрытая! – торжествовал Артём. – Ну конечно! Потайной вход.

– Вряд ли...

«Хотя это вполне в духе отца, – подумала Марина Викторовна. – Он любил такие штуки. Скрытые дверцы, тайники».

– Тут все комнаты висели по порядку, – продолжал Артём. – Так?

– Ну, так, – согласилась мама.

– Вот второй этаж. Вот лестница. Вот комната с люстрой. Вот комната со шкафами. А комната с сейфом – между ними.

– Между ними ничего нет.

– Значит, есть! Нужно только хорошо искать.

Артём внимательно осмотрел обе комнаты. Ничего подо-

зрительного. Ни намёка на дверцу. Да и куда бы она могла вести? В соседнюю комнату? На улицу?

– Значит, должен быть люк.

На полу ничего не нашлось. Артём старательно разгребал обломки мебели, сдвинул уцелевшую тумбу, простучал половицы, но люка не обнаружил.

– Ладно, давай спать. С утра продолжим. И послезавтра Серёжа приедет... – зевнула мама.

– Постой! Тут есть рулетка?

– Зачем тебе?

Артём объяснил свою догадку. Мама ответила, что такое едва ли возможно, да и никакой рулетки у них не было. Пришлось заменить её простой верёвкой.

Юноша замерил длину коридорной стены, потом измерил длину стен в обеих комнатах, и оказалось, что простенок между ними – почти полтора метра глубиной.

– Я же говорил!

– Не понимаю... – Марина Викторовна не поверила сыну. – Дай-ка сюда верёвку.

Повторное измерение показало такой же результат. Простенок не мог быть настолько глубоким, даже если брёвна тут укладывали в два ряда.

– Значит, между стенами – пустота! – Артём был доволен собой.

– Думаешь, там – комната с сейфом?

– Вряд ли. На фотографии – большое помещение.

– Тогда что там?

– Не знаю. Увидим.

«Хорошо, что папы нет, – Артём осматривал стену. – Он бы всё испортил. Спать не лягу, пока не найду вход».

Юноша щупал брёвна, пальцем подковыривал щели, но ничего не находил. Отодвинул тумбу, простучал плинтус. Ничего. Попробовал сдвинуть поставец – вскрытый, выпотрошенный, но оставленный на месте. Не смог. Тот был накрепко прикручен к брёвнам.

– Смотри. – Мама показала на царапины, ведущие по полу от ножек поставца.

– Значит, его часто двигали! – оживился Артём. – Нужна отвёртка.

– Давай всё-таки подождём Серёжу.

– Нет! – Артём сказал это до того порывисто, что мама решила не спорить.

– Ну хорошо. Я схожу к соседке. Но договоримся. Если за шкафом ничего нет, идём спать.

– Согласен, – нехотя ответил Артём.

Шёл одиннадцатый час, но Бэлигма встретила Марину Викторовну улыбкой.

– Отвёртка? Чего это вы там задумали?

– Так, тумбу прикрутить.

Надо было заранее придумать причину. Эта прозвучала неубедительно. «Впрочем, какое тебе дело!» Бурятка всё меньше нравилась Марине Викторовне.

Бэлигма предложила помощь. Сказал, что позовёт одного из сыновей, что тот прикрутит всё, что нужно. Она до того настойчиво предлагала помощь, что Марина Викторовна пожалела о своём приходе.

Бэлигма наконец уступила. Принесла сразу три отвёртки и попросила обращаться к ней за помощью в любое время суток – «в память о замечательном Викторе Каюмовиче».

– Кошмар какой-то, – Марина Викторовна быстрым шагом направилась к дому, опасаясь, что Бэлигма в последний момент увяжется за ней. – Нельзя быть такой навязчивой.

Пока не было мамы, Артём пробовал открутить шурупы кухонным ножом, но только обломил кончик лезвия. Не хотел в этом признаваться и бросил нож в общую грудку поломаных вещей – пусть думает, что он таким был изначально.

С отвёрткой дело пошло быстрее.

Выкрутив последний шуруп, Артём отошёл в центр комнаты и замер.

– Ты чего? – удивилась мама.

– Хочу насладиться моментом. Сейчас всё решится.

Мама усмехнулась. «Весь в деда», – нехотя призналась она.

Вместе отодвинули поставец. Он заскрипел по уже процарапанным бороздкам.

– Вот! – радостно вскрикнул юноша.

За поставцом открылся вырезанный в стене проём. Полтора метра высотой и метр шириной.

– Я же говорил! – Артём от волнения схватил маму за руку, словно боялся идти туда, в тёмный тайник бабушки.

– Что там? – шёпотом спросила мама.

– Сейчас узнаем.

Глава третья

Проём вывел в тесный коридор между стенами соседних комнат. Артём включил на телефоне фонарик и увидел, что справа начинается спуск. Деревянная лесенка вела в подвал, о существовании которого никто не догадывался. В остальном коридор пустовал.

Тёмный, душный закуток. Приходилось пригибать голову. Узкие ступеньки тихо поскрипывали под ногами. Артём шёл первым, мама – вслед за ним. Держала его за плечи, будто боялась, что они угодят в ловушку или вовсе упадут в пропасть. Артём не сопротивлялся. Сейчас он думал лишь о том, что его ждёт внизу, там, где закончатся ступени.

Спуск оказался на удивление долгим. Не было видно ни начала, ни конца лестницы. Удавалось различить только шершавые, неотшлифованные брёвна стен.

Не оставалось никаких сомнений: дедушка сам проектировал этот дом. Сам придумал этот тайник. В подвале устроил себе рабочий кабинет. Только непонятно: от чего он так прятался? Чем же он занимался в последние годы, если ему пришлось скрываться ото всех глубоко под землёй?

– Артём...

– Да?

– Может, не надо? Подождём Серёжу. Мы ведь даже не знаем, куда идём.

Мамин страх придавал Артёму ещё больше решимости. Он знал, что должен непременно дойти до конца, чтобы доказать маме свою смелость. Показать, что он уже взрослый.

Фонарик на телефоне был слабый, и Артём не заметил, как закончилась лестница. Хотел опустить ногу на очередную ступеньку, но уткнулся в пол и вздрогнул. Мама почувствовала это.

– Что там?!

– Идём дальше.

Они медленно шли по узкому коридору. Дощатый пол был усыпан мелким сором: какими-то бумажками, скрепками, щепками. В углу лежала тряпка. Дышать тут было неприятно. Тяжёлый запах подzemелья.

Впереди показался тупик. Дальше было не пройти. Артём на мгновение расстроился, подумав, что дедушкин тайник давно пустует, но вскоре увидел, что коридор оканчивается не тупиком, а дверью.

Округлая медная ручка. Артём повернул её. Толкнул дверь и шагнул вперёд.

Это была та самая комната! В ней всё было как на фотографии. Фонарик выхватывал и книжные полки, и рабочий стол, и кушетку.

– Я же говорил!

– Да...

Артём с мамой по-прежнему говорили шёпотом, словно боялись, что их услышит кто-то, обитавший в подвале.

Марина Викторовна нащупала на стене выключатель. Одна из лампочек, вспыхнув, погасла, но остальные зажглись.

– Так лучше, – прошептала мама, когда её глаза привыкли к яркому свету.

В кабинете дышалось значительно легче, чем в коридоре. Значит, здесь была вентиляция. Дедушка не мог не позаботиться об этом.

Артём смотрел прямым взглядом на сейф. Тот стоял на тумбе возле рабочего стола. Не хотелось торопиться. Нужно было для начала осмотреть комнату, а потом уж проверять, подходит ли ключ. Дедушка всегда говорил, что приятное мгновение надо оттягивать:

– Не торопись наслаждаться. Помучай себя предчувствием. Быть может, оно окажется самым приятным. В предчувствии не бывает разочарований, так что насладись им сполна.

Марину Викторовну удивило то, что в кабинете беспорядок. Книжный шкаф раскрыт, на единственном кресле небрежно лежит стопка книг. Стул не задвинут. По столу разбросаны листки бумаги, карандаши. Корзина переполнена смятыми черновиками. Коврик на полу сбит. Виктор Каюмович был небрежен в быту, но рабочее место всегда держал в чистоте и порядке.

«Значит, уходил отсюда в спешке. Даже очки забыл», – Марина Викторовна подняла с пола хорошо знакомые ей очки с самодельной эпоксидной оправой.

Артём улыбнулся, заметив, что над столом на стенке висят белые птицы-оригами. Среди простых журавликов было и несколько странных птиц.

– Утаргалжин, – прошептал Артём и приложил руку к груди. Там, под одеждой, висел амулет, подаренный ему на десятилетие дедушкой, – деревянный футляр, обшитый светло-коричневой оленьей кожей, с меховой окантовкой и вытравленным значком горной вершины.

– Утаргалжин, – кивнула мама.

Они хорошо знали эту птицу. О ней часто рассказывал Виктор Каюмович. Она помогает одиноким путешественникам, спасает странников от гибели.

– Появляется, когда тебе совсем плохо, – говорил дедушка, показывая маленькому Артёму, как сложить утаргалжина из бумаги. – Когда ты потерялся в самых тёмных дебрях, заплутал в самом непролазном буреломе, когда надежды выжить не осталось, появляется утаргалжин. Сопровождает тебя из чащи, не даёт страху и одиночеству съесть тебя. А на прощание роняет тебе пёрышко. Его нужно поднять и всегда носить с собой. И утаргалжин будет тебе помогать. Если не подберёшь перо, то больше никогда его не встретишь, такие дела.

Своё перо дедушка получил ещё в юности, потерявшись в уссурийской тайге. Вложил его в амулет – тот, что теперь висел на груди внука. Это был самый ценный подарок в жизни Артёма. «Вот дедушка и заблудился в последнем походе.

Потому что отдал мне своё перо. Зря... Меня и в лес-то не пускают. Где уж тут в тайге потеряться...»

– Ну что, сейф? – наконец спросила мама.

Артём молча кивнул.

Марина Викторовна бережно вставила ключ в скважину. Попробовала надавить. Ничего не получилось. Артём затаился за её спиной. Попробовала ещё раз – в обе стороны.

– Никак, – мама пожала плечами.

– Дай я! – Артём выхватил у неё ключ.

– Пстой! Погнёшь ещё!

Мама не успела ему помешать. Юноша изо всех сил надавил на ключ, и замок щёлкнул. Дверца открылась.

– Я же говорил, – тихо, едва слышно промолвил Артём.

Он замороженно смотрел внутрь сейфа.

Там лежали бумаги. Марина Викторовна разочарованно качнула головой. «А чего я, собственно, ждала?» Бережно достала содержимое и разложила на столе. Здесь была папка с записками. Папка с рисунками. Подшивку топографических карт. Одна отдельная, сложенная в несколько раз карта. И матерчатый мешочек с чем-то тяжёлым внутри.

Мама решила осмотреть всё по очереди, не торопясь. Но Артём её опередил. Прежде чем она успела раскрыть первую папку, он схватил мешочек. Развязал на нём петлю – и отшатнулся: в ноги юноше упал жёлтый, весь искорёженный, будто жёваный камень. Артём застыл, поражённый увиденным. Он хорошо знал такие «камни» – тяжёлые, мозолистые,

с коричневыми пятнышками. Видел их в геологическом музее дедушкиного университета. Это был самородок. Кусок настоящего золота! Будто выпавшая из челюсти великана увесистая, полукилограммовая золотая пломба – гладкая по бокам и шероховатая в тёмных впадинах.

– Дай сюда! – мама забрала у него мешочек. Аккуратно извлекла из него ещё один самородок и небольшую статуэтку из светло-зелёного нефрита.

– Золото, – прошептал Артём.

Сейчас дедушкин кабинет в подzemелье казался ему настоящей сокровищницей, затерянной среди гор. Он бы ни за что не поверил, что всё происходит в подвале простого кыренского дома в трёх часах езды от Иркутска. Артём многое слышал о золотых приисках Сибири, о золотоискателях, ушедших вглубь Саян и погибавших там на снежных отрогах, но и не мечтал однажды прикоснуться к подобной истории, увидеть самородок не под стеклом в музее, а открыто, в дедушкином тайнике.

– Ещё неизвестно, откуда он их взял, – промолвила мама, угадав мысли и чувства Артёма. Внимательно осмотрела самородки, будто сомневаясь в том, что они настоящие, и разложила их по карманам кофты.

Юноша насупился. Ему бы заполучить хоть один из таких самородков, и он бы купил себе свободу. Отправился бы в настоящее путешествие. Взял бы хороший рюкзак, палатку, ботинки, да и многое другое. И никто бы ему не помешал.

Ни родители, ни учителя в школе.

«А ведь я их нашёл! – Артём хмуро смотрел на маму. – Если б не я, ты бы вообще сюда не попала. Так бы и выбросила ключ. Неужели жалко отдать хоть один самородок? А вот посмотрим, как ещё будет. И без тебя найду десятков таких. Тогда никто не станет мною командовать. Уеду куда подальше. Буду присылать вам открытки, чтоб вам завидно стало!..»

Мама тем временем раскрыла первую папку; на сына даже не посмотрела и не заметила его тревожного взгляда. В папке были листы, явно вырванные из какого-то блокнота. Вырванные неаккуратно, с бахромой. Они шли не по порядку, будто вырывали их наугад из разных частей или даже из разных блокнотов.

Почерк был Виктора Каюмовича, в этом Марина Викторовна не сомневалась. Выверенный, размашистый. Значит, писал спокойно, не в полевых условиях, а дома. Возможно, за этим столом.

Мама села на стул. Попробовала найти хоть какое-то начало в дедушкиных записях. Беспokoйно перебирала листки. Наконец решила читать всё подряд. Артём, переборывший обиду, встал за её спиной. Чуть подался вперёд и торопливо читал вслед за мамой: «...не узнает. Но было бы странно не проверить. Я брался и за более сомнительные экспедиции. Никаких подтверждений словам Гришавина нет, но это и не удивительно, иначе золото давно бы нашли».

– Всё-таки золото, – прошептала Марина Викторовна. –

Папа, папа, во что ты ввязался...

«Вчера нанял замечательного проводника, отлично знающего местность, а главное – простого и доверчивого. Его было нетрудно убедить в научных целях экспедиции. Собственно, это недалеко от истины. Пройдём до последней приметы, там оставлю Мэргэна сторожить лагерь, а сам уйду искать последнюю примету. Дальше будет видно.

Мне бы ещё пару помощников. Путь предстоит сложный, но нельзя рисковать. С Мэргэном мне повезло. Самый наивный и добродушный лесоруб из всех бурят, что мне встречались. Лицо у него свежее, непропитое. Нужно будет познакомиться с его семьёй, войти к ним в доверие. Это не помешает. В таком деле мелочей нет. Если всё увенчается успехом, если в самом деле...»

Запись оборвалась. Марина Викторовна торопливо взяла другой листок.

«...от бесконечной торговли. Местные ребята удавят за копейку. Но без лошадей мне не управиться. Я уже не в том возрасте, чтобы таскать по сорок килограммов на плечах, а на Мэргэна не хочется наваливать слишком много. На него и так ляжет вся тяжёлая работа. Я буду восстанавливать по приметам карту, а ему предстоит прорубаться через заросли, искать обходные пути».

Дальше началась табличка с перечнем провианта, геологического снаряжения, ружей и прочей поклажи. На этом запись оборвалась.

«Кажется, я досконально запомнил все приметы. Каждый вечер изучаю их. Потом это может пригодиться. Нужно быть готовым к любому повороту.

Надеюсь, приметы окажутся точными. Никогда бы не подумал, что беглый каторжник может так точно фиксировать местность. Впрочем, я до сих пор не уверен, что его это работа. Слишком много странностей в записях Гришавина. Никогда не поверю, что Дёмина, этого закалённого тайгой, прожжённого преступника, можно было чем-то напугать в горах – так, что он оставил золото почти нетронутым! Сказки. Ну, делать нечего. Разберёмся на месте. Теперь нужно подыскать помощника или проводника. Один не управлюсь. Западнее Кара-Бурени я ещё не поднимался. Хорошо бы нанять кого-то из местных. Надо присмотреться к лесорубу, который помогал мне с крыльцом. Он, кажется, немного...»

Запись оборвалась. Марина Викторовна отложила этот листок и взялась за другой. Увлёкшись записками отца, совсем позабыла об Артёме, а он уже глубоко склонился над её плечом и жадно вчитывался в каждую строчку. Ему не терпелось узнать, чем всё закончится. Судя по двум самородкам, дедушка нашёл-таки своё золото. Вот только счастья оно ему не принесло.

Следующая страница была мятой, словно её складывали несколько раз, затем старательно выглаживали и опять складывали. На ней был подробно расписан дневной рацион экспедиции, указывались координаты, типы местности, геоло-

гические названия пород, но всё это Марину Викторовну не заинтересовало. Поверх аккуратной таблицы была наискось сделана торопливая приписка красными чернилами. Тут дедушка явно писал в спешке. Разобрать его пляшущие буквы было непросто.

«На всякий случай отправлю тебе ключи. Вчера за домом следили. Это не к добру. Нельзя задерживаться. Старый дурак! Я ведь даже не взял фотоаппарат. Ну конечно, думал, что ищу золото».

Марина Викторовна не заметила, что всё теснее сжимает кулаки – края листка смялись, по бумаге пошла рябь. Эти записи Виктор Каюмович оставил для неё. Знал, что она сюда доберётся. Знал, что откроет сейф. Взгляд помутнел, смотреть приходилось словно через запотевшее стекло. Марина Викторовна тряхнула головой и, прищурившись, стала читать дальше: «Я ведь не за себя переживаю, а за открытие, ради которого возвращаюсь в горы. Если б я только знал! Если б только сразу поверил! Принёс какие-то жалкие четыре самородка. Не учёный, а вор! Но золото тут не главное. То, что я нашёл, важнее любого золота. Лишь бы всё удалось, тогда бы оправдались мои поиски.

Я должен всё сфотографировать. Это будет моё личное открытие. Венец моей научной карьеры. Без доказательств я в институт не пойду. Меня засмеют. Я бы и сам засмеял любого».

С обратной стороны листка была единственная надпись,

ещё более торопливая и путаная. Марина Викторовна не сразу смогла прочитать: «Ни в коем случае не идите по моим следам! Это опаснее, чем я думал. Не ищите меня».

Других надписей на этой стороне не было. Только по её краям шли витиеватые узоры, будто дедушка задумал переписать изгибы Иркутта, змеившегося по карте Тункинской долины.

Марина Викторовна в отчаянии смяла листок.

– Мама! Что ты делаешь?

Артём выхватил у неё бумагу, опасаясь, что мама разорвёт её. Марина Викторовна не сопротивлялась. Спрятав лицо в ладонях, беззвучно вздрагивая, начала плакать. Слезы сочились сквозь пальцы и падали на ещё не прочитанные записи Виктора Каюмовича.

Артём растерялся. Не знал, что делать, как успокоить маму.

– Ты чего? Ну?

На мгновение юноша увидел, как приоткрылся карман её кофты. В нём лежал самородок. Насыщенно-жёлтый, на вид – мягкий, будто свежая смолка. Артём позабыл обо всём. О слезах мамы, о страницах из дедушкиного дневника. Он опять думал о золоте, о том, что этот скромный кусочек металла мог бы купить ему настоящую свободу. Юноша догадывался, что выручит за него не слишком много денег, но уж на одно путешествие ему бы точно хватило. Распланировать поход, как это делал дедушка. Нанять себе проводника,

найти лошадей...

– Эй! – донёлся до них мужской голос.

Артём вздрогнул. От испуга так сдавил маме плечо, что она вскрикнула.

– Эй!

Теперь и Марина Викторовна услышала. Уставшая после дневной уборки, поисков тайной двери, запутавшаяся в отцовских записях, она не сразу разобралась, что происходит. Как это бывает в первые секунды после сна, забыла, где находится. Растерянно огляделась. Посмотрела на Артёма. Увидела страх в его глазах. И всё поняла. В доме кто-то был. Стоял в прихожей и звал хозяев. Второй час ночи.

– Эй!

Голос приблизился. Ещё немного – и незнакомец найдёт спуск в потайную комнату. Нужно было срочно принять решение. Выключить свет и затаиться? Или выбежать по лестнице на первый этаж и как можно скорее задвинуть на место поставец?

– Это те самые воры? – с дрожью в голосе спросил Артём.

Мама вскочила со стула. В два шага оказалась у стены, щёлкнула выключателем. Слишком громкий щелчок. Комната схлопнулась – густой пятнистый мрак.

Глава четвёртая

– Идём! – шёпотом приказала Марина Викторовна.

– Стой! – Артём не понимал, что она делает.

Мама схватила его за руку и повела за собой к лестнице.

Они быстро, перескакивая через ступени, ударяясь о бревенчатые стенки, поднимались наверх.

– Хозяева?!

Голос был совсем близко. Доносился, должно быть, из гостиной.

Поднялись на удивление быстро. Спуск казался бесконечным, уводящим в самые недра, а тут хватило нескольких секунд, чтобы вновь выйти на первый этаж.

Под ногами скрипнули щепки от разбитой дверцы поставца. Артём весь задрожал от этого звука. Подумал, что сейчас к ним выскочат воры. Но в доме было тихо. Незнакомец услышал их шаги и затаился.

– Закрой, – быстро прошептала мама и пошла в гостиную.

– Ты куда? – Артём спросил так тихо, что сам не услышал своих слов.

Оставшись один в комнате, он замер. Нужно было передвинуть поставец, но Артём отчего-то медлил. С сожалением посмотрел в тёмный проём. В дедушкином кабинете было бы спокойнее. Забежать в тесный коридорчик. Задвинуть за собой поставец – плотно, чтобы никто не догадался о том,

где Артём прячется. И переждать там. В безопасности. «Нет. Я не оставлю маму. Да и как я собирался двигать за собой шкаф?...»

В гостиной послышались голоса.

– Здравствуйте! – Мама говорила спокойно, без страха.

– Вы простите, я уж думал, с вами чего случилось. – Мужской голос. Тот самый, что до этого звал хозяев. – Дверь была открыта, вот я и зашёл.

Артём постарался как можно тише сдвинуть поставец к стене. Сделать это было не так просто. Ножки тяжело поскрипывали по старым бороздкам.

Должно быть, услышав скрип, мама заговорила громче – хотела скрыть эти звуки от неожиданного гостя.

– А мы испугались, что это воры пришли – вернулись за телевизором и микроволновкой. – Марина Викторовна неуклюже, неестественно засмеялась.

– Ну что вы, что вы. Я так думаю, они уже не вернуться. Да и не воры это были, а шпана какая. Поколотили всё да сбежали. У нас такое случалось.

Артём наконец задвинул поставец. На всякий случай прикрыл бороздки выломанной дверцей и вышел в гостиную.

Незнакомец оказался соседом. Муж Бэлигмы. Весь сухой, чуть сгорбленный, с широким рваным шрамом на лбу. Он был одет в коричневую энцефалитку, будто вышел из тайги. На бритой голове виднелось ещё несколько шрамов поменьше. Жёсткая рыжая щетина плотно покрывала щёки. Ворот-

ник энцефалитки был расстёгнут, и виднелась тугая, вся в бордовых морщинах шея. Несмотря ни на что, старик выглядел вполне приветливым. У него была мягкая, добродушная улыбка. Глаза смотрели ясно и бодро.

– Фёдор Кузьмич, – сосед протянул Артёму большую, но на удивление холёную руку. Помолчав, добавил: – Нагибин. А с моей женой вы уже знакомы.

– Вы, наверное, за отвёртками пришли! – догадалась Марина Викторовна и посмотрела на сына. По его взгляду поняла, что он тоже не помнит, где их оставил.

– Ну что вы, не переживайте. Пользуйтесь сколько надо. Жена вот просила вам помочь. Но я вижу, она зря переживала. В этом доме уже есть мужчина. – Фёдор Кузьмич подмигнул Артёму.

Юноша с подозрением посмотрел на старика, но остался доволен его словами.

– Я, знаете, дружил с вашим отцом. Ну, насколько вообще возможно дружить с таким человеком. Вы, конечно, понимаете, о чём я, – Фёдор Кузьмич усмехнулся.

– Понимаю, – улыбнулась Марина Викторовна. – Спасибо вашей жене. Она столько сделала для отца.

– Бэлигма? – старик рассмеялся твёрдым тихим смехом. – Да ваш отец её за километр обходил!

Марина Викторовна растерянно приоткрыла рот – не знала, что сказать.

– Думаю, вы уже почувствовали силу её заботы, – Фёдор

Кузьмич прищурился и говорил шёпотом, будто обсуждал какую-то тайну. – Ну, её можно понять. Воспитала двух сыновей. Для бурят ведь это и не семья вовсе. Ей бы ещё парочку и дочь в придачу, была бы спокойней. А так носится, как наседка без птенцов, ищет, кого бы одарить своей заботой.

Марина Викторовна кивнула.

– А цветы...

– Цветы – это жена сама принесла. Ваш отец от любых цветов бежал как от чумы. А уж Бэлигма, как он пропал, позаботилась о красоте дома. На свой манер.

– А почему вы с бабушкой не пошли? – спросил Артём и сделал шаг вперёд.

– Артём! – Марина Викторовна укоризненно посмотрела на сына.

Фёдор Кузьмич с сожалением пожал плечами.

– Мы с твоим дедом ходили. И не раз. Но сам знаешь, у Вити были свои тараканы. В последний раз он меня не позвал. Видно, зря.

– А куда он пошёл, вы знаете?

– Этого я не знаю. Твой дед умел хранить тайны, – Фёдор Кузьмич опять подмигнул Артёму. – Даже от друзей.

– Да уж, – кивнула Марина Викторовна.

– Ну, не буду вам мешать. Раз всё спокойно, я пойду. Если что, обращайтесь. Я, конечно, не Бэлигма, но друзей без помощи не оставлю.

– Спасибо.

Марине Викторовне понравился старик – она надеялась со временем узнать от него побольше о последних годах жизни Виктора Каюмовича. За разговором успела позабыть о дневнике отца, а теперь, вспомнив, почувствовала, как на глазах опять теплеют слёзы.

Едва Фёдор Кузьмич ушёл, Артём отыскал среди дедушкиных инструментов старую, местами проржавевшую защёлку и прибил её на место вырванного замка. Так было спокойно.

Убедившись, что защёлка держится крепко, зашторили окна, опять спустились в потайную комнату, вынесли оттуда всё содержимое сейфа и, разместившись в спальне на втором этаже, принялись дальше читать записи. О том, чтобы лечь спать, ни Артём, ни Марина Викторовна не думали. Понимали, что всё равно не уснут.

Для начала осмотрели нефритовую фигурку. В ней не было ничего примечательного. Медведь с головой старика. На лапах и затылке – незамысловатые узоры. Артём упросил маму оставить статуэтку ему – на память о бабушке. Он не признался, что, выходя из кабинета, сорвал себе одного из утаргалжинов. Тоже на память. Хотел повесить над своим столом в Иркутске. Он и сам мог бы сложить птичку-оригами, но ему была важна именно такая, сделанная бабушкой.

Рисунки во второй папке оказались диковинными. На них были изображены олени с рогами, перевязанными верёвкой, медведь, цепью прикованный к скале, какая-то клетка, напо-

ловину утопленная в болоте, большой ветвистый сухостой, увешанный, кажется, берёстовыми коробами, странная площадка, окружённая массивными валунами, и статуэтка – та самая, что забрал Артём, только украшенная символами по всему телу.

Значения этих рисунков разгадать не удалось. Марина Викторовна была уверена, что их, в отличие от рисунков в коридоре, нарисовал именно Виктор Каюмович – тут хорошо угадывалась его старательная, но отчасти неуклюжая манера с ошибками в пропорциях.

Топографические карты также не вызвали интереса. Ни Артём, ни мама в них не разобрались и, сколько ни тщились, не смогли даже примерно понять, о какой местности они рассказывают.

Отдельный лист сложенной карты был старым, прохудившимся на сгибах и явно нарисованным от руки.

– Красиво, – прошептал юноша. Надеялся, что мама потом разрешит ему повесить карту на стене в иркутской комнате. – Думаешь, она ведёт к золоту?

– Не знаю, – поморщилась Марина Викторовна.

Неизученными остались только несколько страниц, вырванных из дедушкиного блокнота.

«...оснований сомневаться в этой истории слишком много.

Получается, что Дёмин в самом деле нашёл золото, но не под тремя землями, как прежде указывали все исследовате-

ли, а в некой пещере, где оно было сложено „такой насыпью, что не сразу разглядишь её объёмы“. Звучит сомнительно. Архивы не объясняют, кто и зачем перенёс туда самородки. Непонятно, где и когда они были добыты. Судя по всему, это случилось задолго до открытия Бирюсинского месторождения, а быть может, и до того, как купцы Толкачёв и Коробов развернули свою деятельность в Восточном Саяне. Следовательно, начало этой истории нужно искать в восемнадцатом веке, в годы, когда в этих краях записей никто не вёл, а только проводились хищнические объезды доступных районов. Сибирские казаки? Местные сойоты? В любом случае непонятно, почему золото было собрано в пещеру, а не вывезено в Усолье. Что помешало исследователям сохранить найденное богатство, на разработку которого у них, конечно, ушёл не один год? Почему они держали историю в такой тайне, что лишь случайность помогла Дёмину, если это был он, обнаружить и пещеру, и спрятанное в ней золото? Тут я не могу придумать ни одного хоть отчасти достоверного объяснения. Всё это предстоит узнать на месте. Сейчас, внимательно изучив полученные в архиве карты и приметы, я начинаю думать, что не удержусь и организую небольшую экспедицию в поисках утерянных сокровищ. Придётся отложить исследование Ботогольского месторождения. В любом случае там...»

Запись оборвалась.

Следующий листок тоже был вырван из блокнота, но

представлял собой не отрывок из дневника, а черновик письма. Ни адреса, ни даты не было.

«Удивляюсь твоим сомнениям. Неужели так приходит старость? В прежние годы ты с лёгкостью соглашался и на более сомнительные авантюры.

Хорошо. Вот тебе конкретика. Ты знаешь, я уже несколько лет расследую тайну покинутой шахты Алибера – загадочное Ботогольское месторождение, брошенное в самом расцвете и простоявшее нетронутым многие годы; даже мародёры опасались к нему приближаться. Впрочем, самое загадочное тут то, как я не ослеп, разбирая архивные записи; их точно квасными чернилами писали. Там же, в архивах Ирриредмета, я нашёл и документы, о которых тебе написал. По ним выходит любопытная история.

Дёмин нашёл-таки золото. Всё вынести не смог. Там его было столько, что потребовалась бы целая артель. Взял только парочку самых крупных самородков. Разумно было бы предположить, что он спустится в Тунку или вернётся к Усолю, откупится от властей, а потом соберёт экспедицию за оставшимся золотом. Разумно, но документы указывают, что, купив себе свободу, он в Саяны не пошёл. О пещере с золотом не хотел и думать, потому что был там чем-то напуган. Чем – непонятно. И был так напуган, что уехал жить в Иркутск.

Жил себе спокойно, обзавёлся семьёй. Его сын, узнав отцовскую историю, слезами и проклятиями уговорил Дёмина

нарисовать карту, как добраться до сокровищ. Карту Дёмин нарисовать не смог – слишком долгий получался путь, – а вот приметы, по которым нужно идти, оставил.

Сын с приметами не справился. Как Дёмин умер, попробовал идти по его следу, но сплеховал. Заплутал в тайге, в итоге плюнул на это дело, побоялся сгинуть там – и золото не найти, и с жизнью расстаться».

Продолжение письма было на следующем, последнем листке:

«Решил хоть пару рублей содрать с отцовского наследства и продал приметы белогвардейцу Гришавину – тот работал в снабжении Колчака, тогда уже Верховного правителя России.

Всего примет было девятнадцать. Гришавин начал от Онота, прошёл долгим путём вдоль Китайских гольцов, добрался до Оки, а там поднялся до Жомболока. Сам понимаешь, весь этот путь можно было срезать через Орлик, но Дёмин краткого пути не знал, а Гришавин, конечно, и не подозревал, куда идёт. Тринадцать примет он переложил на карту. Осталось шесть».

– Так это... – прошептал Артём и с восторгом посмотрел на сложенный лист старой карты. Догадался, что в дедушкиных записях речь идёт именно о ней. – Невероятно!

«Золото было близко, но провизия заканчивалась, солдаты, сопровождавшие Гришавина, устали. Он решил вернуться в Тунку, набрать новую экспедицию и продолжить поис-

ки. Но к тому времени чехословаки предали Колчака, армию адмирала разбили, и Гришавина, конечно, сразу арестовали. Он оказался в устьилимской тюрьме.

Там бы и сгннуть дёминской тайне, но Гришавин сошёлся с местным надзирателем Самохваловым. Мужик оказался хороший. Кормил Гришавина от своих обедов, носил ему книжки, передавал иркутские новости. Гришавин в благодарность перед расстрелом рассказал Самохвалову, где искать карту и оставшиеся приметы. Самохвалов их нашёл и тут же покорно сдал в Золотосплавочную лабораторию Иркутска. Идейный, значит, был.

В лаборатории и слышать не хотели о дёминском золоте. К тому времени все только и говорили, что о провальной экспедиции Леоновых, о загадочной гибели Новикова и Шведова. Геологов больше интересовали найденные Тюменцевым россыпи на Хончене, а золото Дёмина уже считали легендой, так что документы и показания Самохвалова закрыли в архив. Там они и пролежали добрые восемьдесят лет, пока не угодили в мои руки.

Подробнее расскажу, когда приедешь. Не вижу ни малейшего повода тратить время на долгую переписку. Мне ещё предстоит найти проводника, закупить провиант, разметить маршрут. Я уж не говорю про лошадей и снаряжение».

– Кошмар какой-то, – мама аккуратно сложила бумаги в папку.

Записи её разочаровали. В них не было ни намёка на то,

что случилось с отцом, а главное – ни единого упоминания о семье, все разговоры – об очередной экспедиции. Отец ничуть не изменился за последние годы.

Артём же был в восторге. Рассказы о таинственном золоте, о старинных картах так взбудоражили его, что, отправившись в кровать, он не мог даже закрыть глаза. Настойчиво вглядывался в темноту под потолком, угадывал там очертания Восточного Саяна – каменистых отрогов и глубоких троговых долин.

Юноша устал от долгого дня, но готов был сейчас же вскочить на ноги, набросить на плечи рюкзак и отправиться в дальний путь – по дедушкиным следам. «Ну конечно! У нас есть карта, и мы должны этим воспользоваться!» Артём приподнялся в кровати. Он только сейчас сообразил, что шести примет, о которых писал Виктор Каюмович, в сейфе не было. «Нужно будет ещё раз внимательно всё осмотреть, мы наверняка что-то упустили».

Юноша ворочался, никак не мог устроиться поудобнее. Насилу закрывал глаза. Нащупав сонливость, замирал – боялся её спугнуть. Опускался в дрёму, но сон получался каким-то ложным. Утомительной вереницей тянулись образы сегодняшнего дня: от автобуса до подземного кабинета. Артём будто смотрел в перемотке сразу несколько фильмов – один за другим, без перерывов. Наконец встал с кровати. Понял, что промучается так до рассвета. Предпочёл заглянуть в тайную комнату и там ещё раз всё осмотреть.

Босиком, боясь наступить на осколки, подсвечивая путь фонариком в телефоне, Артём спустился на первый этаж. Опасался, что мама тоже не спит и услышит его шаги. Остановился перед поставцом. Понимал, что не сможет беззвучно сдвинуть эту махину. Ножки предательски заскрипят по полу, а в ночной тишине такой звук разнесётся по всему дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.